

А. Е.
ЗАРИН

*В поисках
убийцы*

Андрей Ефимович Зарин

В поисках убийцы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2371105

Аннотация

Действие романа происходит в начале века. Перед читателем проходит череда подозреваемых, многие из которых были врагами убитого. События в романе развиваются так, что одно преступление, как по цепочке, тянет за собой другое. Но нетерпеливого читателя в конце романа ждет необычная развязка. Главное действующее лицо романа – это талантливый и бесхитростный сыщик Патмосов Алексей Романович, который мастерски расследует невероятно запутанные дела. Прототипом этому персонажу, видимо, послужил светило петербургского сыска – знаменитый Путилин

Содержание

I	4
II	11
III	20
IV	34
V	42
VI	55
VII	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Андрей Ефимович Зарин

В поисках убийцы

I

Страшные находки

Было раннее морозное утро, когда Тишка, с крючком на руке и мешком под мышкой, прошел по Зелениной улице, что на Петербургской стороне, юркнул в ворота дома купца Пузикова, деловым шагом прошел первый двор, на котором два младших дворника готовились таскать дрова по квартирам, и в самом конце двора нырнул за каменный флигель, где очутился подле выгребной ямы, зловонные испарения которой сковал мороз.

Тишка, мальчуган лет двенадцати, в стоптанных валенках с огромных мужицких ног, в рваном вонючем полушубке, в теплой шапке, повязанной каким-то тряпьем – не то остатками башлыка, не то серой штаниной, с деловым видом шмыгнул носом, бросил на пол мешок, поднял крышку ямы, для чего-то крепко, по – извозчичьи выругавшись, и влез в нее.

С деловым видом Тишка запустил свой крючок в мусор и стал разворачивать и разбирать его с видом знатока. Вот пузырек от одеколона, банка от мази, да еще фарфоровая,

сбитый башмак, жестянка, кости, тряпки. Тишка извлекал из общего мусора и выбрасывал их в мешок, лежавший подле ямы.

Куча росла. Летом работа шла бы более быстро, потому что тогда каждая вещь сама по себе – бери только. Теперь же самые разнородные предметы холод спаял в один комок, и Тишке приходилось разбивать такие комки крючком или разламывать их руками. Но добыча все же оказывалась немалая.

Вдруг его крючок вонзился во что-то мягкое и большое.

Тишка запустил его поглубже, ухватился за палку и стал тянуть, отрывая добычу от примерзшего мусора.

Вот из кучи выдвинулся большой кусок словно бы мерзлого мяса. Тишка напрягся. Еще, еще... Тишка рванул и вдруг, выпустив крючок из рук, с искаженным от ужаса лицом в один миг вылетел из ямы, но вместе с тем не мог отвести взор от страшного предмета, извлеченного им из мусора.

То, что он вытащил теперь, совершенно выходило из области его практики и привело его в ужас.

Поверх ямы с вонзенным в мясо крючком тряпичника лежала согнутая в колене человеческая нога – одна нога. На ней был белый нитяный чулок, перевязанный красной тесемкой под коленом, а с другой стороны – рваное мясо и кусок расщепленной кости.

Тишка вдруг завизжал и, оставив мешок и кучу собранного им мусора, бросился во двор, где работали дворники.

В его визге было что-то такое, что дворник Дмитрий, с полным равнодушием слушавший вопли избиваемого под воротами участка лихого мазурика, отодвинулся от вязанки дров, которую собирался взвалить на спину, и двинулся к вопившему Тишке.

– Чего ты? – спросил он, когда тряпичник ткнулся ему в ноги.

– Там... там... и – и – и-о – ой! – провизжал Тишка.

– Что там? Где? Ишь, непутевый! – с недоумением проговорил Дмитрий.

– Чего он? – выбежав из дверей черной лестницы, спросил его другой дворник.

– А шут его знает! Надо быть, напугался чего, – ответил Дмитрий, – ишь ведь...

Тишка при виде обоих дворников начал успокаиваться.

– Там ворошил, – кивая головой в сторону выгребной ямы, сказал он голосом, полным ужаса, – и вдруг... нога...

– Нога? – воскликнул прибежавший дворник и весело загоготал: – Сама собой? Го – го – го!

– Ишь, что почудилось! – сказал Дмитрий. – Ну, ну, пойдем! Где нога?

Оба дворника двинулись к выгребной яме, а Тишка поплелся за ними.

На дворе показалась горничная в байковом платке.

– Анфиса Алексеевна, – закричал веселый дворник. – Пожалте ногу посмотреть!

– Какую там ногу? – весело выкрикнула горничная.

– Самую заправдашную, вроде привиденья, – ответил дворник.

– А ну вас! – отозвалась горничная, однако поправила покетливее платок на голове и двинулась за дворниками.

Они зашли за флигель, подошли к выгребной яме и отпрянули от нее все трое, а Тишка в отдалении защелкал зубами. Горничная огласила двор пронзительным криком, веселый дворник словно онемел, а Дмитрий взмахнул руками и глухо произнес: «Вот те как! Нога! И впрямь нога!» Но через мгновение он очнулся, быстро схватил Тишку за шиворот и деловито сказал веселому дворнику:

– Беги сейчас, зови старшего, а я тут побуду. А ты куда! – обратился он к Тишке. – Потому ты нашел, тебе и отвечать.

Дворник бегом пустился за старшим, горничная продолжала визжать, Тишка ревел во весь голос, а Дмитрий задумчиво глядел на отрубленную ногу в нитяном чулке с вонзенным в нее крючком тряпичника.

Почти в то же время и почти то же самое произошло и на дворе в доме под № 68 на богатой Сергиевской улице. Только в куче мусора оказалась не нога, а рука, и нашел ее не глупый Тишка, а смышленный парень Григорий Силантьев.

Увидев такую находку, он поспешно положил в свой мешок все добытое им из ямы, перекинул мешок через плечо, неторопливо прошел через двор, вышел из ворот и уже то-

гда задал тягу. Рука, отрезанная по самое плечо, с судорожно сжатыми пальцами, промерзлая, лежала поверх мусора в яме.

Великолепный дог генерала Чупрынина совершал свою утреннюю прогулку. Обнюхав и исследовав все углы и тумбы переднего двора, он забежал на задний, заглянул там в выгребную яму, прельстился недвижно лежащей рукой и, ухватив ее в свою громадную пасть, степенной рысцой побежал со двора на лестницу, в кухню, в расчете позавтракать мясным блюдом.

Генерал Чупрынин вставал рано. Денщик обычно растирал его ледяной водой, после чего генерал умывался, садился в кабинете к круглому преддиванному столу и за стаканом крепкого кофе читал «Новое время».

В это утро Чупрынин выпил уже с полстакана кофе, прочел телеграммы и только что приготовился к высокому наслаждению, которое он всегда испытывал от чтения статей Меншикова, как вдруг из кухни раздался такой невероятный визг, что генерал отбросил газету и вскочил с кресла.

– Безобразие! – пробормотал он и нажал кнопку звонка.

Денщик очутился в кабинете раньше, чем раздался звонок.

– Ты опять там, каналия?.. – начал генерал, но, увидав растерянное лицо денщика, переменил тон и спросил: – Что такое?

– Так что, ваше превосходительство, Милорд руку ест, –

пробормотал денщик.

Из кухни раздавались истеричные вопли. Генерал встрепенулся.

– Взбесился, что ли, и грызет?

– Так что, ваше превосходительство, со двора принес и ест.

– Что? – остоленел генерал. – Со двора руку?

– Так точно – с! – дрожа подтвердил денщик.

– Что за черт! – выругался генерал.

– Серж, что там такое? Какой-то ужас! – проговорила генеральша, выглядывая из спальни.

– Глупость какая-то! – ответил генерал, быстро шагая к кухне, откуда неслись плач и вопли.

Горничная визжала в истерике, толстая кухарка хлопала себя по бедрам и не своим голосом кричала:

– Отдай! Отдай, отдай!

Из-под стола слышалось сердитое рычание огромного дуга.

Генерал крикнул на безумно вопивших» Молчать!» – что, однако, не возымело никакого действия, и нагнулся, чтобы заглянуть под стол.

Дог зарычал еще грознее.

Генерал невольно отпрянул. Под передними лапами собаки лежала человеческая рука, отрезанная по самое плечо. Дог успел вырвать из нее кусок мяса.

Через мгновенье генерал очнулся.

– Дай кочергу! – скомандовал он денщику. – Бери щетку! Отнимай у него! Милорд, иси, брось! Я тебе!..

Голос Чупрынина гремел, как труба; горничная визжала; кухарка бессмысленно вопила: «Отдай, отдай!»; генерал стучал кочергой, денщик – щеткой; собака рычала.

Генеральша не выдержала, и из ее спальни слышались крики:

– Мадемуазель!.. Спрячьте детей! Серж! О Боже!..

Собака с окровавленной мордой была выгнана на лестницу: денщик вытащил щеткой руку на середину кухни, и генерал с нахмуренным лицом созерцал и обонял ее, так как она успела уже оттаять и потемнеть.

Женщины пришли в себя и робко прижались к углу кухни, всхлипывая от волнения.

– Зови старшего дворника! – крикнул генерал денщику. – Это – правая рука какой-то женщины, несомненно убитой, – заключил он. – Руки не трогать с места! – сказал он горничной и кухарке, теперь онемевшим от ужаса, и пошел из кухни успокаивать свою супругу.

II

Страшный багаж

Найденная рука и нога побывали в участках, а затем с соответствующими протоколами были препровождены в прозекторскую Обуховской больницы. Теперь они лежали на клеенке, обложенные льдом, посиневшие, страшные ужасом того преступления, которое было совершено над их владельцем.

Почти весь штат сыскной полиции, доктора и следователь собрались у страшных находок. Начальник сыскной полиции держал в руках протоколы полиции и делился мыслями со следователем.

– Да, – сказал он, хмуря белые брови, – несомненное преступление.

– Несомненное, – подтвердил и следователь.

– И преступник очень ловкий, вроде Джека – вспарывателя. Репортеры были? – обратился он к агентам.

– Заходили двое, обещали прийти еще раз, – доложил молодой человек с прыщами на лице.

– Тайн никаких, – сказал начальник. – Рассказывайте всем.

– Слушаю – с! – ответил молодой человек.

– Фотографии сняли? – спросил начальник у помощника.

– Во всех видах, – ответил тот – плотный, коренастый господин, похожий на фельдфебеля в отставке.

– Ногу в чулке и без чулка?

– Так точно – с.

– И руку?

– И руку.

– А опрос сделали? – обратился начальник сыскной полиции к агентам, в участках которых были сделаны страшные находки.

– Так точно – с, – ответили в голос оба агента; один – маленький, рыжий, в веснушках, другой – высокий, тощий, как голодающий индус, и черный, как жук.

– Так. А измерение и описание?

– Сделаны.

– Ну, проверим, – сказал следователь и взял протоколы врачей; начальник развернул протоколы полиции, а помощник вынул из кармана два листка. – «Нога, – сказал следователь, смотря на протокол. – Левая нога, отрезанная от трупа женщины неискusной в операции рукой. По виду ноги владелица имела около тридцати лет». Ну, это – их специальность, – пробормотал следователь. – А вот, – и он начал читать: – «Согнута в колене, под углом в сорок градусов».

– У меня тридцать шесть, – сказал начальник.

– Видите ли, – объяснил его помощник, – она была мерзлая, потом оттаяла, потом ее мерили и согнули, когда замораживали. Вот – с.

Начальник кивнул головой.

– Ну, это не нужно. Дальше!

– «Кожа ровная, гладкая, на мизинце мозоль, под коленом родимое пятно, величиной с серебряный пятак», – продолжал следователь.

– Верно – с!

– «Выше колена повреждение, причиненное острым оружием...»

– Это Тишка – тряпичник крючком, – пояснил рыжий агент.

– Ну, ну, – недовольно произнес следователь и продолжал: – «Уж над мертвой ногой, причем вырван кусок мяса. Нога отделена от паха сначала острым оружием, а затем кость грубо перебита топором или сечкой, отчего конец ее неровен и расщеплен. Длина ноги от конца кости до ступни один аршин четыре вершка».

– Верно, четыре вершка, – подтвердил помощник.

– «Рука, – продолжал следователь, – правая, несомненно женская, отделена от плечевого сустава грубо и неумело. Длина от конца расщепленной кости двенадцать вершков с половиной».

– Верно.

– «Выше локтя рана, очевидно сделанная зубами собаки».

– Генеральская собака, – сказал помощник.

– И все.

– Однако немного, – сказал следователь и задумался.

А начальник решительно произнес:

– Непременно надо найти правую ногу и левую руку.

Агенты смущенно переглянулись.

– Да, да! Осмотреть все выгребные ямы! Мы найдем этого злодея, – и начальник поднял палец.

– Что же, – сказал следователь, вздохнул и закрыл портфель, – нам, пожалуй, делать здесь нечего. Едем?

– Я тоже, – сказал начальник.

– Что прикажете делать с рукой и ногой? – спросил фельдшер.

– Пусть полежат пока, – ответил следователь. – Так я пошел.

– Всего лучшего! – распрощался с ним начальник сысской полиции и сказал помощнику: – И мы домой!

Они уехали в свое управление.

Едва начальник вошел в кабинет, как пред ним явился дежурный чиновник.

– Что такое? – недовольно спросил начальник.

– Сообщение по телефону, – ответил дежурный, – от жандармского управления Варшавского вокзала.

– Ну, в чем дело?

– В Вильну пришел багаж, а в нем голова и рубленое мясо.

– А... а, – взволнованно воскликнул начальник. – Вот и след. Это от той же женщины. Ну, что дальше?

– Его переслали сюда, а нас спрашивают.

– Сюда доставить, доставить немедленно! Чухарев, поез-

жайте вы, – закричал начальник, обращаясь к рыжему агенту.

Тот от радостного волнения застегнул пиджак на все пуговицы и воскликнул:

– Лечу, лечу... в один миг.

– И сейчас же мне доложите, – сказал начальник. – Известите по телефону следователя и прокурора.

Чухарев умчался.

Начальник вышел в общую комнату и обратился к помощнику:

– Август Семенович, пойдете-ка! – и снова направился в кабинет.

Оставшиеся агенты ожили.

– Без Патмосова не обойтись, – сказал молодой человек в прыщах.

– Уж будто? – отозвался черный агент.

– Кто же найдет?

– А хоть бы я? – ответил тот.

– Нет, это не так легко. Если бы какой след, а то на – рука и нога, – сказал пожилой агент. – Над этим и сам Путилин {Знаменитый русский представитель сыскного дела, долгое время бывший начальником сыскного отделения в Петербурге и выяснивший массу весьма сложных, загадочных преступлений. – Прим. авт.} задумался бы.

– А Патмосов найдет, – с уверенностью повторил прыщавый молодой человек.

– Тот может, – согласились все.

Между тем начальник с помощником сидели в кабинете, курили и обменивались впечатлениями.

– Вот случай! – возбужденно и радостно говорил начальник. – Преступление – и никакого следа. Интересно, как бы справился тут Путилин?

– Гм... – пробурчал помощник, дымя папиросой. – И нам, пожалуй...

– А мы найдем, – воскликнул начальник. – Нынче для этого нужны совсем другие приемы, мой милый Август Семенович; мы, сидя здесь, в кабинете, доберемся. Да.

– То есть как же?

Лицо начальника просияло; он закурил новую папиросу, откинулся на спинку кресла и почти крикнул:

– Умом, Август Семенович, умом! Путилин и Лекоки всякие чутьем брали, а мы – умом. Да!.. Найдем эту женщину.

– А как найдем?

– Кусочками. Вот теперь еще голова, а там руку, ногу...

– А потом?

– Восстановим ее, а там – кому нужна ее смерть, и дальше, дальше...

Помощник, выпустив струю дыма, покрутил головой, не смея спорить со своим начальником.

А в это время Чухарев уже летел обратно в канцелярию с новой страшной находкой, завернутой в две рогожи. Он выскочил из саней у подъезда, суетливо приказал сторожам

вынуть поклажу и бросился в кабинет начальника.

– Привез, – заявил он, тяжело переводя дух. – Вот протокол и донесение, – и он подал бумаги.

– Надо подождать прокурора и следователя, – сказал начальник. – Обуза! – и он вздохнул.

Товарищ прокурора и следователь приехали почти тотчас. Все прошли в общую комнату, где их уже ожидала коробка с почтовым извещением: «Большой скоростью. Город Вильно. Станиславу Личинскому. Немецкая улица, № 68». Со всех сторон было написано: «Осторожно».

– А что там? – спросил начальник, указывая на коробку.

Чухарев вздрогнул и заморгал.

– Вскройте! – приказал следователь.

Сторожа привычной рукой сняли веревки, ловко вспоролы клеенку и раскрыли большую коробку, из тех, в каких портнихи возят платья.

– Крышку!

Сторожа расстегнули ремень, сбросили крышку и отшатнулись с побледневшими лицами. По комнате распространился тяжелый запах разлагающегося трупа.

Товарищ прокурора, следователь и начальник с помощником приблизились к коробке и, нагнувшись, заглянули в нее. Было от чего содрогнуться даже привычному человеку. Наполнившие комнаты агенты поочередно подходили, заглядывая из-за спины начальства, и в ужасе отшатывались.

В коробке стояла большая, глубокая глиняная чашка

овальной формы, наполненная кусками рубленого мяса, и на этой груди кровавого, почерневшего мяса лежала безносая голова с выражением безмятежного покоя на обезображенном лице; темно – русые волосы покрывали часть страшного мяса.

– Необходим доктор, – сказал начальник. – Вызовите по телефону!

Все в сыском отделении пришло в волнение. Сверху спустили фотографа с камерой и стали снимать страшный багаж с боков и сверху. Все служащие перебивались в комнате и заглянули в коробку.

Наконец приехал доктор, и начались осмотр и подробная опись страшной посылки.

– Редкое, исключительное дело, – произнес следователь. – Помню, было когда-то убийство Зона, после того еще два случая посылки трупа багажом, но такого изуверства не было.

– Что-то невероятно злодейское, – возмутился молодой товарищ прокурора. – Вы, доктор, говорите, молодая женщина?

– Лет тридцати.

– Рука и нога, несомненно, ее, – воскликнул начальник сыской полиции.

– Ясно, ясно, – подтвердил его помощник.

– Что это – сумасшествие, безумная месть или ревность? – мечтательно заговорил товарищ прокурора. – Ужасно!

Следователь со спокойным лицом быстро писал, составляя протокол.

– И пахнет же! – сказал он, ставя точку и кладя перо.

– Необходимо отправить в прозекторскую, – произнес доктор, – я произведу анализ и исследование.

– Просто в чашке?

– Понятно. Это все остается вам.

– И никаких следов! – воскликнул начальник полиции. – Я думал, что по голове узнаем жертву, но лицо так обезображено...

– А коробка, веревка, клеенка? – сказал следователь.

– Мало ли их? Преступление совершено не ранее как неделю назад. Следов нет, – произнес начальник, покачав головой, и шепотом прибавил помощнику: – Но мы их придуруем и найдем.

На другой день столичные газеты были полны описаниями страшных находок, багажа и всего темного кровавого дела. Даже так называемые большие газеты выделили это происшествие из обычной хроники, а мелкая пресса посвятила ему целые столбцы.

Кухарки, горничные и швеи взвизгивали и закрывали лицо руками, когда в мелочной лавке бойкий приказчик читал кровавые описания. Дворники, лакеи и писари с деловым видом обсуждали это происшествие. То же, в немного измененном виде, происходило и в семьях чиновников среднего круга, и в салонах высшего круга.

III

Действующие лица

Присяжный поверенный Алексей Петрович Горянин праздновал двадцатую годовщину своей свадьбы. Хотя это событие в течение остальных дней в году и сам Горянин, и его жена признавали за несчастье своей жизни, все же они праздновали его, пользуясь случаем устроить необходимую для связей вечеринку. А на этот раз Горянин только что получил хороший гонорар и сделал вечер, не скупясь на расходы.

Большой зал, гостиная, кабинет и даже спальня, обращенная в карточную, не считая столовой, были ярко освещены и предоставлены гостям, которые сидели, ходили, стояли поодиночке и группами, оживляя красиво убранные комнаты.

Хозяйка дома, томная Евгения Павловна, красивая со-рокалетняя дама, сидела на диване в гостиной с двумя по-жилыми дамами, окруженная мужчинами. Ее муж, Алексей Петрович, с возбужденным лицом проносился из комнаты в комнату, то подсаживаясь к одним, то останавливаясь подле других, там угощая, здесь устраивая партию в винт, и олицетворял собою радушного хозяина.

В кабинете его приятели пили пунш и разговаривали о прокурорах, речах, процессах и гонорарах. В зале молодежь

танцевала под рояль; в гостиной гремел граммофон, в спальне – карточной раздавались возгласы: «Пики, трефы, четыре пики, малый шлем, без одной», – и голос генерала Чупрынина в общем шуме гудел, как шмель в летний полдень.

В гостиной Евгения Павловна изнывала, стараясь поддержать скучный разговор с двумя пожилыми дамами и в то же время удерживать подле себя мужское общество. Вдруг, словно на помощь ей, вошла Дьякова.

– Душечка, Елена Семеновна, побудьте с нами, садитесь! – радостно воскликнула Евгения Павловна.

Несколько мужчин быстро, как на пружине, вскочили с мест и подвинули Дьяковой стулья и кресла. Она опустилась в кресло и стала обмахиваться веером.

Это была красивая брюнетка, лет двадцати семи, полногрудая, высокая, с алыми губами и матовой кожей. Если прибавить к этому, что она третий год вдовела и обладала изрядным состоянием, то не покажется удивительным, что несколько человек из числа находившихся в кабинете, оставив пунш и товарищей, перешли в гостиную, а бывшие в гостиной мужчины как-то подтянулись, глаза их замаслились, и на лицах их расплылась улыбка.

Дьякова отлично понимала настроение окружающих и, обмахиваясь веером, заговорила тоном капризного ребенка:

– Дорогая Евгения Павловна! Мужчины несносны... Они умеют только ухаживать, говорить пошлости и ничего занимательного. Я пришла отдохнуть с вами.

Горянина снисходительно улыбнулась.

– Вы жестоки к ним. Я, как хозяйка, должна заступиться за моих гостей. Господа, вы обязаны сейчас же увлечь нас беседой, – обратилась она к мужчинам.

Молодой товарищ прокурора (из лицеистов) поправил на носу пенсне, выпятил грудь и картаво произнес:

– Но, уважаемая Евгения Павловна, такое оскорбление... и всем сразу! – он развел руками. – Елена Семеновна не в духе и за это...

– Да, я не в духе, – заговорила, перебивая его, Дьякова, – сегодня я целый вечер только и слыхала у вас какие-то юридические разговоры.

– Влияние профессии, – засмеялся адвокат.

– Позвольте, – выступил из толпы военный юрист, – вы несправедливы. Если бы вы, например, прислушались к теме, которую мы только что дебатировали в кабинете, то непременно заинтересовались бы, хотя она и юридическая.

– Отчасти, – сказал молодой капитан.

– Что же это за тема? – спросила Дьякова.

– Ну, послушаем, – пропела Евгения Павловна.

– Вот видите, – оживился юрист, – извольте послушать. – Он изящно оперся о спинку кресла, в котором сидел молодой товарищ прокурора, и, слегка покачиваясь, заговорил: – Уважаемый Петр Станиславович, – он указал на стоящего поодаль полного пожилого господина с бритым лицом, – уверяет, что в настоящее время почти нет скрытых преступ-

лений.

– Это что значит? – спросила Дьякова.

– То есть таких, которые совершенно остались в полной тайне.

– Как же мы о них можем знать, если они остались в полной тайне? – спросила Дьякова, снова обмахиваясь веером.

– Браво, браво! – раздались кругом голоса. – Петр Станиславович побит сразу.

Полный господин сделал шаг вперед, и на его бритых губах мелькнула снисходительная улыбка.

– Семен Николаевич несколько извратил мои слова. Это – продолжение разговора, отвлечение в сторону, и мысль, не мне принадлежащая. Я сказал собственно о преступнике.

– Но если есть скрытое преступление, то, значит, и преступник скрыт? – заметила Дьякова.

– Браво! – крикнул капитан.

– Вы чрезвычайно остроумны, – сказал с легким поклоном полный господин.

Хозяйка дома поспешила тотчас представить его:

– Петр Станиславович Светевич, наш прокурор, гроза защиты.

Светевич снова поклонился.

– Что гроза при современных громоотводах? – сказал он шутливо и продолжал: – Да, сударыня, но я не то имел в мыслях. Я утверждал, что, раз преступление обнаружено, преступник уже не скроется. Да! При современном веде-

нии следствия и постановке сыскной части преступнику не укрыться. Вот мои слова.

Он замолчал и отодвинулся.

– Прошу извинения, – заговорил военный юрист. – Я действительно передал содержание уже дальнейшего спора.

– А как же, – заговорила Дьякова, – вот в Петербурге, где-то на Выборгской стороне, нашли застреленную женщину, а убийцы нет. Да вот и теперь... убийство Нолькен на острове Эзеле, в Вильне – Друцкого – Любецкого.

– Найдут!

– Ищут и найдут! – сурово сказал прокурор.

– Вот мы об этом и спорили, – включился молодой капитан. – Согласитесь, что если преступление задумает умный, с воображением человек, то он может выполнить все так тонко и обдуманно, что окажется совершенно в стороне.

Дьякова вдруг вздрогнула.

– Да, этот спор интересен, – сказала она.

– Что за тема! – томно произнесла Евгения Павловна.

– Если исключить действия сумасшедшего, – сказал прокурор, – то преступник не сможет совершенно устранить себя уже потому, что в преступлении, несомненно, замешаны его близкие интересы. А кроме того, всегда наблюдается психологическая черта в преступниках. В последний момент они теряются, и не бывает случая, чтобы они не оставили какого-нибудь заметного следа, приметы.

– За исключением случаев гипнотического внушения, –

насмешливым, резким голосом произнес брюнет с внешне-
стью актера.

Он стоял позади всех у притолоки дверей, и все оберну-
лись, услышав его замечание.

Дьякова сразу встрепелулась, и на ее лице появился лег-
кий румянец.

– Это вы, Григорий Владимирович? Что же вы не подой-
дете? – воскликнула хозяйка.

Гости расступились.

Брюнет, изящно одетый в смокинг, легко и быстро подо-
шел к дамам.

– Где же вы были? – с упреком спросила Горянина. – Гос-
пода, Григорий Владимирович Чемизов, – отрекомендовала
она брюнета.

Последний пожал руки нескольким из окружающих. Дья-
кова обратила на него общее внимание, спросив его:

– Что вы сказали про гипнотизм?

– Я сказал, что преступление может быть совершено чело-
веком в гипнозе, по внушению, – просто ответил Чемизов. –
Тогда будет трудно найти преступника.

– Ну, это уже из области романа, – с улыбкой заметил про-
курор. – Одно время на эту тему таких романов появилась
целая серия.

– Роман – это жизнь, а жизнь часто дает темы, которые
не решается обрабатывать романист; они кажутся слишком
фантастичны.

– Чемизов, – спросила хозяйка, – вы занимались гипнотизмом?

– Гипнотизмом, спиритизмом, чернокнижием, всем, – раздался веселый голос Горянина, пробежавшего через гостиную. Он на мгновение остановился, дружески поздоровался с Чемизовым и сказал Дьяковой: – Заставьте его показать свои знания.

– Глупости! – пробормотал брюнет.

– Не краснейте, а удивляйте! – сказал Горянин и побежал дальше.

– Вот если вы действительно в силах, устройте нам преступление по внушению, – настаивал военный юрист.

– Да, да, – подхватила хозяйка, – Елена Семеновна, просите!

– Непременно... он должен! – воскликнула Дьякова. – Правда, Григорий Владимирович?

Чемизов молча поклонился. Лицо его побледнело. В ту же минуту по всем комнатам пронеслась весть об интересном опыте, и гостиная переполнилась народом.

– Перейдемте в зал, – предложила хозяйка, поднимаясь с дивана.

В зале тотчас образовалось нечто вроде сцены. Все поспешили занять стулья, и Чемизов остался один посреди зала.

Он провел рукой по лицу и, обратясь к сидящим, сказал:

– Хорошо, я продемонстрирую один опыт, если вам угодно: совершенно неповинный, ни о чем преступном не дума-

ющий человек совершит ужасное преступление. Кто желает подвергнуться опыту?

Со всех сторон раздались голоса; несколько студентов и барышень просили с умилением.

Чемизов остановил свой выбор на молодом товарище прокурора, и тот, видимо, остался доволен возможностью играть роль.

– Я попрошу вас с двумя провожатыми выйти на минуту в соседнюю комнату, – сказал Чемизов и, когда товарищ прокурора вышел, продолжал: – Теперь я попрошу барышню или даму.

– Я, – вызвалась Дьякова. – Вы усыплять меня не будете?

– Ни на минуту. Теперь прошу запомнить, что я вам скажу. Вы должны будете делать все, что я вам укажу.

Дьякова кивнула.

– Пожалуйста! – крикнул Чемизов.

Молодой товарищ прокурора – невысокого роста, фатоватого вида рыжеватый блондин – с вызывающей улыбкой подошел к Чемизову:

– Что прикажете делать? Убивать? Грабить?

На лицах гостей промелькнула улыбка.

– Теперь пока сядьте, – спокойно сказал Чемизов.

Товарищ прокурора вдруг смутился, а в зале наступила тишина.

– Снимите пенсне, примите покойную позу! Вот так! – Чемизов усадил гипнотизируемого, поправил руки, откинул

ему голову и начал опыт. Он не делал обычных пассивов, а просто остановился над ним и стал смотреть на него, потом резко и громко сказал: – Спи!

У товарища прокурора мотнулась голова, и он, несомненно, заснул.

– Он спит, – сказал Чемизов. – Теперь, господа, знаете ли вы его настолько, чтобы поверить ему, что он не в заговоре со мною?

– Да он вас в первый раз видит, – сказала хозяйка. – Вы, наверно, и не знаете, кто это.

– Я здоровался с ним, когда вы меня назвали.

– Это – Хрюмин, Аркадий Львович, наш друг, – сказал Горянин. – Он скорее изобличит вас.

А Хрюмин, видимо, сладко спал. Чемизов обратился к Дьяковой:

– Теперь я попрошу вас сесть вот хоть к роялю, а потом, когда я подам знак, прилягте на этот диван. Да, да, не стесняйтесь, общество извинит нас. После этого господин Хрюмин зарежет вас.

Дьякова вздрогнула.

– Как будто! – улыбнулся Чемизов, заметив ее страх, и обратился к хозяину дома: – Алексей Петрович, будьте добры дать разрезной нож.

– Какой? Бронзовый, костяной?

– Лучше деревянный, если есть.

А Хрюмин мирно спал на стуле и даже полуоткрыл рот.

Горянин принес нож.

– Спасибо. Я положу его сюда. – Чемизов положил нож на столик подле рояля, а затем обратился к Елене Семеновне: – Пересядьте, пожалуйста, вот сюда, к роялю. Я начинаю. – Он положил руку на голову Хрюмина и застыл, видимо делая нравственное напряжение, потом выпрямился, дунул в лицо Хрюмина и громко сказал: – Проснитесь!

Хрюмин почти сразу открыл глаза, огляделся, словно что-то вспомнил, затем, надев пенсне, встал и сказал:

– Ну что, интересный опыт?

– Ничего себе, – ответил ему военный юрист. – Вы спали как сурок.

– Только-то? – усмехаясь, сказал Хрюмин и перешел через зал.

Все смотрели на товарища прокурора, а потом на Чемизова с недоумением и легкой усмешкой. Чемизов отошел к хозяйке и опустился подле нее.

Вдруг Хрюмин встал. Все его лицо, вся фигура преобразились. Он тихо пошел к Дьяковой, сидевшей у рояля, нежно сказал ей:

– Прощай, голубка! Я пойду позаймусь, а ты ляг.

Он тихо поцеловал Дьякову в лоб и опять отошел на свое место, словно играл свою роль на сцене.

Гости замерли. Хозяйка ухватила за руку Чемизова и проговорила:

– Мне страшно!

Чемизов подал знак Дьяковой, и она, перейдя от рояля к дивану, прилегла на него, кокетливо расправив? юбку.

Прошло несколько мгновений. Хрюмин снова перешел зал. Теперь и походка, и движения его были совершенно иные, чем до тех пор. Он взял со стола нож и стал осторожно красться к Дьяковой.

Евгения Павловна впилась в руку Чемизова; Дьякова приподнялась, и лицо ее выразило ужас. Ужас охватил и всех присутствующих – на их глазах совершалось убийство.

Забавный, фатоватый Хрюмин был теперь страшен. Он снова приблизился к Дьяковой и поднял нож.

– Ай! – раздался ее истерический возглас, и она, сразу сев на диван, забилась в угол.

– Ай – ай! – раздались возгласы.

Хрюмин выронил нож и снова очнулся.

– Что с вами? – спросил он у Дьяковой.

– Ай! – закричала она и, оттолкнув его, бросилась от дивана.

Хрюмин совершенно растерялся, и его лицо стало так забавно, что впечатление пережитого страха у всех исчезло и раздался дружный смех.

– Что такое? Я ничего не понимаю, – растерянно сказал Хрюмин.

– Ничего, дружище! – со смехом воскликнул капитан. – Ты сейчас объяснялся в любви Елене Семеновне и до смерти напугал ее... Ха – ха – ха!

– Господа, ужинать, – закричал Горянин, – дамы ведут кавалеров.

– Вы – ужасный человек, – тихо сказала Дьякова Чемизову, ведя его в столовую.

– Ужаса не существует, – ответил он, – ужас – это неведение. Узнайте – и нет ужаса.

– Я хочу вас узнать, – прошептала она.

Гости садились за стол. Горянин суетился подле них, пока все не уселись, а затем стал удивлять всех закусками, гастрономическими блюдами и винами.

– Однако что это было за представление? – спросил прокурор за ужином.

– Убийство по внушению, – ответил Чемизов. – Вообразите, я решил убить эту женщину и убиваю ее рукой ее мужа. Вот и все. Найдите убийцу!

– Ужасно, – прошептала Дьякова.

– Да – с, найдите, – вдруг загудел с конца стола голос генерала Чупрынина. – Третьего дня, ваше превосходительство, Милорд мне на кухню женскую руку принес. Да – с!

– Ах, это вам? – раздался возглас.

– Мне, – отозвался генерал и продолжал: – И потом читаю – ногу нашли, а там – голову. А? Найдите убийц!

– Эти будут найдены, – уверенно отозвался прокурор.

– Замечательное явление, – подхватил военный юрист, – повторяется тип преступления – корзинки, отправка багажом.

– Опять преступление? – воскликнула Дьякова. – Говорите, Бога ради, о другом.

– За здоровье двадцать лет проживших в супружеском согласии, – шутиливо крикнул Горянин, поднимая бокал.

Гости охотно поддержали тост и поспешили к виновникам торжества с бокалами и поздравлениями. Настроение повысилось, и вечер пошел своим чередом. После хорошего ужина в тоне беседы всего общества чувствовалась какая-то особенно дружественная нотка, словно все друг с другом сблизились.

Жизнь ведет людей каждого своей колеей, но судьба незримо перепутывает следы, сбивает дороги и тклет свой узор из тысячей жизней, переплетая их, как искусная ткачиха на своем станке. Не раз случается, что чуждые друг другу люди, не знавшие до того один другого, внезапно начинают влиять на счастье и несчастье другого: вдруг в тихую жизнь одних ураганом врывается жизнь какого-то нового индивида, ранее чужого, и происходит катастрофа. В мире всегда так. Никто не знает, зачем что-либо случится, куда влечет судьба, откуда является какое-либо влияние и для чего свершается то или иное событие. То, что люди зовут случаем, чаще бывает неизбежным и роковым.

Чемизов проводил Дьякову и поехал к себе домой; генерал Чупрынин доиграл девятый робер и отправился домой со своей генеральшей. Хрюмин и прокурор тоже вернулись в свои квартиры. Горянины проводили последних гостей и

стали устраивать себе спальню в кабинете, так как их обычная спальня, превращенная в карточную, носила следы пребывания многих гостей. А судьба плела свой узор и вплетала нити жизни в клетки своей канвы.

IV

Поиски наудачу

Генерал Чупрынин с женой всем рассказывали про вчерашнюю находку их Милорда. Прокурор, бывший на вечере у Горянина, лично заинтересовался этим делом, и в течение недели во всех слоях общества только и говорили что о таинственных кровавых находках, а в газетах репортеры наживали денежки, спеша производить во всех статьях не только сообщения из полиции, но даже собственные соображения на тему: «Таинственное преступление».

Суд передал это дело следователю по особо важным делам, а градоначальник на обычном докладе начальника сыскной полиции сказал ему:

– Особенно прошу обратить внимание на это преступление. Оно наделало много шума, да и вообще в столице не может быть не раскрыто такое страшное дело.

– Употреблю все старание, ваше превосходительство, – ответил начальник сыскной полиции и, вернувшись с доклада, сказал своему помощнику: – Во что бы то ни стало, Август Семенович, это дело надо распутать. Нашумело оно, и мы должны отыскать преступников.

– Употреблю все старание, ваше превосходительство, – ответил помощник.

– Что нашел доктор?

– В чашке нарублено мясо всего трупа. Доктор нашел там большой палец руки, пальцы ноги, внутренности.

– Я думаю сначала поручить дело этим... как их?.. которые нашли.

– Чухарев и Калмыков.

– Вот им. Каковы они?

– Старательные и горят рвением.

– Ну, ну! И каждый день мне доклад.

– Слушаю, – сказал помощник начальника сыска и, выйдя из кабинета последнего, тотчас вызвал к себе Чухарева и Калмыкова. Когда те явились, он сказал им: – Его превосходительство поручает вам расследование дела о таинственном преступлении. Теперь у вас случай отличиться. В городе только и говорят об этом деле.

Лица Чухарева и Калмыкова просияли.

– Употреблю все старания, – сказали они в один голос.

– Ну и с Богом! Каждое утро мне докладывайте, как идет дело.

Агенты поклонились и вышли из кабинета помощника начальника.

Маленький, рыжий и более экспансивный Чухарев, едва они вышли в коридор, сказал Калмыкову:

– Мы, Потап Никитич, пройдем в» Плевну» и поговорим.

Надо действовать согласно; дело мозговое.

– Пройдем! – мрачно ответил Калмыков.

Они спустились вниз, оделись и через двадцать минут уже сидели в отдельном кабинете трактира» Плевна». Перед ними стояли графин водки, селедка, грибы, вареный картофель и горячая солонина; несмотря на раннее время, из общего зала до них доносились звуки вальса» Дунайские волны».

Чухарев налил в рюмки водку, чокнулся с Калмыковым, опрокинул рюмку с таким видом, словно это была вовсе не водка, а уксусная эссенция.

– Вот и поговорим! – начал Чухарев. – Прежде всего это – несомненное преступление...

– Дурак, – лаконически сказал Калмыков. – Кто же не знает, что это – преступление?

– Я это для слога. Ну, хорошо. Итак, убита женщина.

– Опять это все знают.

– Ах, не перебивай! Убита женщина. Но чего ради? А? Из ревности – раз; чтобы отвязаться – два; чтобы ограбить – три.

Чухарев отложил вилку и, выставив красную, веснушчатую руку, загибал на ней пальцы.

Калмыков слушал и ел с таким мрачным видом, словно на тарелках лежали не солонина, картофель, грибы и прочее, а куски изрезанной женщины.

Но Чухарев забыл о еде и продолжал:

– Разберем. В первом случае я допускаю женщину, но в остальных двух – только мужчина. Ищи мужчину. А какие следы? А?

Калмыков, продолжая хранить молчание, налил себе чет-

вертую рюмку водки, выпил и стал доедать солонину.

А Чухарев продолжал:

– А какие следы? Никаких. Но есть кончики, – он поднял палец, увидел себя в зеркале и лукаво подмигнул себе, – и какие кончики!..

– Да говори, черт тебя возьми, попросту! – вдруг почти крикнул Калмыков, окончив еду, потому что на тарелках ничего не осталось.

Чухарев обидчиво взглянул на собутыльника и торопливо проговорил:

– Я разумею веревки, клеенку, картонку и глиняную чашку.

– Это значит, ты полагаешь необходимым разведать, кто купил эти предметы?

– Единственный способ.

– Неделю тому назад, десять дней, две недели? – вопросительно произнес Калмыков.

– Единственный способ, – повторил Чухарев.

– По всему Петербургу?

– Единственный спо... – начал было опять Чухарев свои излюбленные слова, но Калмыков не дал ему договорить, а прервал его выкриком:

– Ну, ты и ищи!

– А ты?

– А я буду опознавать личность – предъявлю фотографию по участкам.

– Без носа?

– И без носа.

Чухарев обиженно засопел:

– Что же, мы друг другу не помешаем. Иди опознавай, а я искать буду. Только вот... – лицо его приняло умильное выражение, – что откроем, так вместе. Идет?

Калмыков кивнул.

– Ну, и отлично! – оживился Чухарев. – Выпьем и идем. Эй, малый! – и он, ухватив звонок, стал неистово звонить.

В кабинетик влетел половой.

– Чего изволите?

– Графинчик, солонинки и поросеночка.

Половой взмахнул грязной салфеткой, сунул ее под мышку и исчез.

– Пойдем и прославимся, – сказал Чухарев, потирая руки.

Спустя два часа они выходили из трактира» Плевна», пылая рвением сейчас же пуститься на розыски, и никто не заподозрил бы их в том, что они только что расправились с тремя графинами водки и с полудюжиной бутылок пива. Только Чухарев несколько оживленнее махал руками и чаще смеялся, а Калмыков стал еще мрачнее и угрюмее.

Помощник начальника сыскной полиции, узнав о том, что надумали эти два агента, беспрекословно распорядился отпечатать фотографию убитой по количеству участков для Калмыкова и выдать Чухареву веревки, клеенку, коробку и чашку.

На другой день агенты принялись за работу. Она была немаленькая.

Чухарев с утра до поздней ночи ходил с веревками по всем лавкам, спрашивая, не помнят ли покупателя этих веревок, но веревки были самые обыкновенные, и первый сыщик только и слышал один ответ: «Мало ли народа ходит? Где всех упомянуть? Такая веревка везде есть. Может, и у нас куплено. А как узнаешь?» Но Чухарев не унывал и продолжал свой обход с настойчивостью монаха, давшего обет.

Калмыков не отставал от него в упорстве. Он взял список всех гостиниц и меблированных комнат и, пока фотограф печатал копии снимков с обезображенной головы, с одним экземпляром фотографии совершил обход всех вышеуказанных учреждений с целью опознания убитой. Но и его преследовала неудача. Хозяева, хозяйки, коридорные, прислуга при взгляде на мертвую голову с безносым лицом вздрагивали от ужаса и омерзения, а потом говорили: «Как такую узнать? Не припомним!» Однако Калмыков тоже не унывал.

Каждое утро оба этих агента аккуратно являлись к помощнику начальника сыскной полиции и уныло говорили:

– Ничего не нашли. Ни следа.

– Ну, молодцы! – укорял их помощник. – А я еще вас хвалил. Ищите, а то худо будет.

Агенты выслушивали этот укор и снова отправлялись на поиски.

Между тем помощник начальника сыскной полиции в

свою очередь являлся к своему патрону и, разводя руками, заявлял:

– Ничего не нашли, стараются, но никаких следов.

– Ах, Господи! Режете вы меня, Август Семенович! – восклицал начальник. – Пригрозите им, пусть стараются.

– Я и то...

А начальник, в свою очередь окончив доклад градоначальнику, говорил последнему:

– А по розыскам об изрезанном трупе еще ничего не открыто.

– Возмутительно! Вероятно, мало стараетесь. Этак нельзя. Необходимо раскрыть это дело, необходимо!

– Приложу все старания, ваше превосходительство! – бормотал начальник и возвращался в свою канцелярию не в духе. – Черт знает что, – горячился он, обращаясь к помощнику. – Ведь убийца должен быть, Август Семенович? А? Так его непременно найти надо. Вот что.

– Приложу все старания, – отвечал помощник и на следующее утро распекал Чухарева и Колмыкова.

А они ли уже не старались? Чухарев обошел все лавки с веревками и теперь ходил с клеенкой, Колмыков разослал карточки по участкам, и их видели все дворники, а результат был все тот же, вернее – никакого результата.

Калмыков стал еще мрачнее и даже на время отказался от водки, а Чухарев потерял всякую развязность и ходил как мокрая курица.

Преступление налицо, а преступник исчез, как ключ в воду. А ведь, сколько людей его видели и могли бы уследить! Где-нибудь жила его жертва, и он посещал ее, и кто-нибудь отворял ему двери, помогал раздеваться и провожал его. Кто-нибудь продал ему и веревки, и клеенку, и чашку, и картонку, кто-нибудь нес его страшный багаж; кто-нибудь писал и выдавал ему квитанцию. И вот, если бы собрать всех этих людей и расспросить...

Чухарев хватался за голову и рычал так, что его жена испуганно вздрагивала.

«Собрать и расспросить», – сказать это легко, но когда в столице насчитывается чуть ли не два миллиона жителей, это является невозможным делом.

– Путилин и тот отказался бы, – шептал Чухарев, в отчаянии всплескивая руками.

– Завтра отказываюсь. Ну их, пусть выгоняют! – вдруг заявил Калмыков, выйдя однажды от помощника начальника, от которого только что получил обычный разгон.

– И я с тобой, – подхватил Чухарев. – Найти невозможно. И вдруг в эту самую минуту появился человек, который не только знал убитую женщину, но указал и убийцу.

Чухарев и Калмыков сразу ожили.

V

Блеснувший свет

Как раз в ту минуту, когда Чухарев высказал полное сочувствие своему сотруднику по розыску, подошел господин и сказал, видимо теряясь:

– Как бы мне господина начальника повидать или кого из старших?

– Вам на что? – быстро спросил Чухарев. – Если заявление о краже или просто пропажа, то надо к дежурному.

– Что дежурный! – откликнулся посетитель. – У меня важнейшее дело. Во какое!

– Тогда к начальнику, – сказал Чухарев и закричал сторожу: – Степан, к его превосходительству.

Сторож обратился к посетителю:

– Как доложить о вас?

– А скажи – купец Семечкин, саратовский купец. Так и скажи! Егор Егорович Семечкин.

Сторож ушел докладывать, а Чухарев внимательно оглядел купца Семечкина. Это был плотный, коренастый мужчина, лет сорока трех, с типичным лицом русского смышленого человека. Его серые глаза глядели с легкой усмешкой, сочные губы слегка улыбались; у него были русые волосы, рыжеватая борода, красные, крепкие щеки. Одет он был в

клетчатую тройку; толстая золотая цепь висела у него на жителе, а на указательном пальце правой руки сверкал крупный бриллиант.

– А по какому делу? – не удержав любопытства, спросил Чухарев.

– Сродственница тут у нас пропала. А у вас... – начал Семечкин.

Чухарев так и впился в него взором, но в это мгновение к ним подошел сторож и сказал купцу:

– Пожалуйте!

Семечкин не окончил фразы и пошел за сторожем.

– Подождем! Кажется, по нашему делу, – сказал Чухарев Калмыкову, весь дрожа от волнения.

Калмыков только кивнул, и они прошли в общую комнату, где собирались агенты всех участков.

Тем временем Семечкин вошел в кабинет начальника сыскальной полиции, сел по его приглашению и рассказал ему свое дело:

– Сродственница жила у меня в Саратове, не так чтобы близкая, вдова моего троюродного брата, купца Коровина. Брат, как помер, весь ей капитал и торговлю оставил. На рынке он торговал, большущий магазин имел – посуда, керосин, свечи и отделение с бакалеей. Хорошая торговля была. А я, собственно, по хлебной части, мельница у меня.

Семечкин достал платок и вытер лицо. Начальник слушал его, нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

– В чем же дело?

– Дело-то тут и начинается, – сказал Семечкин и, спрятав платок, продолжал: – Как брат это, значит, помер, и осталась Настасья Петровна молодой вдовой с магазином, капиталом и как есть одна...

– Без детей, хотите вы сказать?

– Вот именно – с... Тут все за ней. Известно, невеста очень интересная. И я тоже вроде как бы жениха.

– Молодая, говорите?

– В самый аккурат. Тридцать два года. Ну – с, а она веселится и живет. И все» хи – хи – хи» да» ха – ха – ха». И вдруг это к нам гость из Питера. И через кого втерся – не пойму... так, навождение. Сам, значит, курский мещанин, я уж потом справился, Антон Степанович Кругликов, а уж ловкий да обходительный, что тебе барин первостатейный.

– Вы, пожалуйста, о деле. Ведь это – рассказ какой-то, – нетерпеливо перебил его начальник сыскной полиции.

– О деле и говорю – с, по порядку докладываю, – ответил Семечкин и невозмутимо продолжал: – Усы рыжие, борода рыжая, волосы рыжие, а лицо белое – белое, что маска. Губы красные, а глаза бегают, как жуки. Говорить мастак, да все эдак деликатно, а уж франт – не приведи Бог! Джентльмен – одно слово. И бабы все от него без ума, только и слов: «Кругликов» да» Кругликов». А пуще всех Настасья Петровна.

– Это – вдова?

– Она самая. Прошло немного времени – и вдруг она ре-

шила магазин продавать и в Питер. Тут на нее все напустились, и я тоже. Как можно! Я на коленках стоял, просил. Ни – ни... «Еду», да и все. А тот, Кругликов то есть, уехал и письмо к ней. Я уж это доподлинно знаю. И продала... за тридцать тысяч с товаром и лавкою. Лавка-то каменная, особнячок. Да – с, так вот продала, значит, вдовушка дело свое, деньги собрала и уехала.

Семечкин замолчал.

Начальник сыскной полиции, видимо еще ничего не поняв и теряя терпение, спросил:

– В чем же дело?

– А в том, что пропала наша вдовушка, что сквозь землю провалилась... то есть ни слуха ни духа. Писем никаких. Ей-ная сестрица у нас, в Покровской слободе, замужем за Козьявкиным, дюже забеспокоилась. Стали через знакомых справляться, не слышать ли что-либо, значит, о беглой вдовице – куда тебе! Нет. Теперича я на розыски поехал, и нет ее ни в Москве, ни в Петербурге.

– Ну – с, так что же, собственно, вам надо? Она – женщина свободная, совершеннолетняя, со средствами. Может, она по России катается, может, за границей, – сказал не без раздражения начальник.

– Так-то оно так, – ответил Семечкин, – только сдается нам, что здесь что-то неладное. Думается, что этот самый Кругликов ей голову смыл. И вот по этому самому, чтобы помощи у начальства поискать да все разузнать, я к вам и

явился.

Начальника вдруг озарила мысль. Он нажал кнопку звонка к помощнику и, когда последний явился, сказал ему:

– Дайте-ка сюда, Август Семенович, фотографию той... из посылки.

– Слушаю – с! – и помощник немедленно удалился.

– Сейчас я вам покажу карточку, – продолжал между тем начальник, обращаясь к Семечкину.

Через минуту помощник вошел с фотографией. Начальник взял ее и передал Семечкину. Тот взглянул на нее и завопил:

– Она... она! Настенька, милая, что он с тобой сделал?! И нос, паршивец, отрезал!.. Ой, чуяло мое сердце! – и купец, вынув платок, стал вытирать катившиеся из глаз слезы. В своем горе он был истинно жалок. – Вот, – всхлипывая, продолжал он, – ведь упрасивал ее, словно чуял беду, – не послушалась. Эх, Настя, Настя!

– Так вы признаете ее? – быстро спросил начальник.

– Да как же – с? Пошлите в Саратов, каждый ее признает.

– Август Семенович, это очень важно. Мы сразу открыли ее. Теперь только схватить преступника, – сказал начальник сыскной полиции помощнику, а затем обратился опять к купцу: – Позвольте вас спросить...

– Спрашивайте! Я сам ничего не пожелаю, лишь бы найти мерзавца, погубившего Настеньку, – энергично сказал Семечкин.

– Прежде всего вы. Кто вы? Где остановились?

– Я же говорил, – ответил Семечкин, – саратовский купец первой гильдии Егор Егорович Семечкин, вдовый, православный, сорока трех лет. Живу здесь на Невском, в меблированных комнатах» Монплеизр».

– Так! Вас к следователю вызовут.

– А куда хотите, лишь бы схватить того мерзавца, то есть Кругликова.

– Ну, теперь он не уйдет, – с улыбкой сказал начальник сысской полиции. – Много через неделю вы его увидите здесь. А теперь повторите, как вы назвали убитую.

– Вдова купца первой гильдии Анастасия Петровна Корovina, тридцати двух лет, из Саратова.

– Так. Нет ли у вас ее фотографии?

– Как же – с... с собой принес. Извольте! – и Семечкин подал начальнику фотографическую карточку.

Тот увидел жизнерадостное молодое лицо типичной русской красавицы и воскликнул:

– Отлично! Ну, а того как звать?

– Курский мещанин Антон Степанович Кругликов.

– Вы записали, Август Семенович?

– Все.

Начальник встал, давая понять Семечкину, что прием окончился.

– Идите к себе домой и ждите. Вы увидите, как мы его живо сцапаем. Да! И сами не уезжайте... ни – ни! Вы еще

нам пригодиться.

– Никуда – с... будьте без сомнения, – сказал Семечкин, кланяясь и на цыпочках уходя из кабинета.

Начальник радостно потер руки и сказал помощнику:

– Вот удача-то! А? Сразу все открылось – и жертва, и преступник. Увлёк, завёл, убил и ограбил. Ну – с, Август Семенович, будем действовать. Наши молодцы здесь?

– Кажется, здесь ещё. Сейчас! – помощник выскочил в коридор узнать, не ушли ли Чухарев с Калмыковым, и тотчас же вернулся в кабинет начальника, – Здесь.

– Так, – сказал начальник и нахмурился. Потом он встряхнул головой и решительно заговорил: – Пусть идут в адресный стол и узнают, где жили этот Кругликов и Коровина. Потом один пойдет по указанным адресам и разузнает все про их жизнь. Пусть возьмет фотографию. А другой пусть пройдет по участкам, где они были прописаны, и тоже наведет справки. Затем пошлите телеграмму с допросом, что за птица этот Кругликов. В Курск пошлите, затем в Саратов – откуда он взялся и куда выехал, затем в Москву, не жил ли такой, и по всем большим городам. Поняли? И делайте это сейчас, не медля.

– Слушаю – с, – сказал помощник и, выйдя из кабинета, тотчас приказал позвать к себе Чухарева и Калмыкова.

Те оба сразу ожили, едва услышали сообщение помощника.

– Теперь уж он от нас не уйдет. Мы живо, – воскликнул

Чухарев. – Я, Август Семенович, сразу почувствовал что-то, едва увидел этого Семечкина.

– И я, – мрачно сказал Калмыков.

– Ну, хорошо! Вот вам инструкции – и с Богом, – сказал им помощник начальника и углубился в составление телеграмм.

Чухарев и Калмыков прямо направились в адресный стол. Они прошли в справочное отделение и, как свои люди, начали перебрасывать карточки. Чухарев искал Кругликова, а Калмыков – Коровину.

– Есть! – сказал Калмыков.

– И я нашел, – отозвался Чухарев и, вынув бумажку, взял карандаш и начал делать выписки. «Приехал 10 октября, прописан по Литейному проспекту, в д. № 51, меблированные комнаты. Жил до 1 ноября. Прописан в Толмазовом переулке, в д. № 3, меблированные комнаты. Жил до 25 ноября. Прописан – Невский пр., дом № 54, меблированные комнаты. Жил до 5 декабря. Выехал». Больше справок не было. Хотя после каждой справки значилась отметка: «Выехал из города». – Так, – сказал Чухарев, – а у тебя?

Калмыков показал свою выписку, и она оказалась с теми же адресами.

– Значит, вместе. Ну, тем легче, выходит. Ты теперь по участкам, а я – по адресам, – и Чухарев, встряхнув руку товарища по делу, вышел из помещения адресного стола.

Он решил идти по порядку выписки и посетить сперва

дом № 51 по Литейному проспекту.

Меблированные комнаты Галушкина занимали в этом доме четыре квартиры. Чухарев прошел к самому хозяину и спросил о Кругликове и Коровиной.

– Как же... у меня жили. Снимали двадцатый номер. Переехали. Позвольте! – Галушкин взял со стола книгу, посмотрел в нее и сказал: – Въехали вечером девятого октября с вечерним поездом. Оба вместе, как муж и жена. Я даже так поначалу подумал. А уехали, как есть, тридцать первого числа. Он сказывал, что к себе, в Сибирь куда-то.

– В Сибирь он потом пойдет, – с усмешкой сказал Чухарев, записав показания. – Ну, а как они жили?

– Да и это сейчас объясним, – сказал Галушкин и позвонил.

Вошел слуга.

– Позови мне Машу! – распорядился Галушкин и, когда слуга вышел, объяснил Чухареву: – Это – горничная из того коридора.

В комнату вошла миловидная девушка.

– Вот, Маша, – обратился к ней хозяин, – расскажи этому господину, как жили Крутиков и Коровина. Помнишь их? Он такой рыжий, с бородой.

– Очень хорошо помню, – ответила девушка. – По – хорошему жили... как муж с женой. Она раз мне даже сказывала, что бумаги у них не все еще выправлены, а как выправят, так и поженятся. Все целовались. Больше дома сидели, а как

вечер, так и в театре.

– Заходил к ним кто-нибудь?

– Не помню... кажись, никого. В одиночестве жили.

– И не ссорились?

– Никогда.

– А в чем дело-то? – спросил Галушкин.

– Ее убили и изрезали на куски. Вот голова ее, – сказал Чухарев, показывая фотографию.

– Ай – ай – ай! – изумился Галушкин, беря снимок. Маша подошла и тоже стала разглядывать его.

– Не признаю, – сказал Галушкин, – да и видел я ее мало – только как приехала.

– Она! – закричала Маша, взглянув на фотографию. – Вот как живая.

Чухарев ушел. Первый успех ободрил его. Он сознавал, что напал на след, и шел по нему, как добрая ищейка.

В Толмазовом переулке меблированные комнаты занимали целый надворный флигель в два этажа. К Чухареву на лестницу вышел сам хозяин, лысый старик в темных очках, и провел его в свободную комнату.

Чухарев объяснил, кто он и зачем пришел.

– Как же!.. Очень хорошо помню. Приехали вечером тридцать первого октября. Хорошо помню. Еще у меня тогда жилец из третьего номера сбежал. Номер четырнадцатый заняли, отличный... два рубля в сутки.

– Как жили? Кто им прислуживал?

– Прислуживала Анютка. Только ее нет теперь – прогнал я ее, подлую. А как жили, я знаю. Я всех жильцов знаю – время есть, я и слежу.

– Дружно жили? Бывали у них кто-нибудь? Заезжали?

– Дружно, очень. Видно, любовники. Днем спали, потом шли обедать вместе, а вечером в театр или куда. Дел никаких не делали, и никого у них не было. А потом вдруг она хворать начала, да все круче, круче. Он беда как убивался, все мне жаловался. «Боюсь, – говорит, – умрет». Я говорю: «Доктора позовите!» «А он: «Нет, – говорит, – я ее лучше домой увезу». И увез. Закутал всю, – шалими покрыл и увез.

– Когда и куда?

– Позвольте... Это было... сейчас после Екатерины... Да, да, двадцать пятого ноября увез. Сказывал, домой – в Красноярск, что ли. «А в Москве, – говорит, – полечу».

Чухарев прошел на Невский проспект, в дом № 54. Там его встретила хозяйка.

– Кругликов? – заговорила она. – Такой рыжий, с бородой? Как же, помню! Он недолго жил – всего неделю или дней десять. Приехал с больной женщиной, и как ввел ее, так они и заперлись. Редко даже прислуга входила. Он то придет, то уйдет, а она все лежит... даже неприятно было. А потом один раз вывел ее, всю закутанную, и увез. «В больницу», – говорит. А там через три дня и сам уехал... один.

– А поклажа была?

– Как же! Чемодан слуга выносил, а с ним сверток с по-

душкой, сумочка дорожная, да в руке еще картонка.

– Зашитая?

– Да. Будто от платья.

– Справьтесь: когда въехал и выехал? Когда ее выписали?

– Сейчас! – Хозяйка поднялась с кресла, достала книгу, надела очки и стала искать по страницам. – Вот, – и она указала на записку.

Чухарев нагнулся и прочел: «Кругликов, Антон Семенович, мещанин, приехал из Петербурга 25 ноября. Комната № 8, выехал 5 декабря. Коровина, Анастасия Петровна, купеческая вдова, приехала из Петербурга 25 ноября, комната № 8, выехала 1 декабря».

– Благодарю вас, – сказал Чухарев и вышел.

Жар его остыл сразу. Что же дальше? Ну вот, проследил он Кругликова до самого конца, и все. Сперва тот ее, то есть Коровину, вывез, а потом сам уехал. Черт знает что! Ничего и не разобрать!

Сыщик покрутил головой, тихим шагом направился в знакомый ему трактир» Плевна» и, к своей радости, увидел там Калмыкова.

Тот с мрачным, сосредоточенным видом пил пиво. Кругом полупьяные мужчины и веселые женщины оглашали зал смехом, визгом и говором, орган с увлечением гудел» Гей-шу», а Калмыков сидел мрачнее тучи.

– И ты тут? – окликнул его Чухарев.

– И я тут.

– Ну, что сделал? – спросил Чухарев, а затем, не дожидаясь ответа, сел к столу, подозвал лакея, заказал ему водку и еду и снова повторил свой вопрос.

– Ничего, – мрачно ответил Калмыков. – Везде прописан по порядку. Паспорта как паспорта. Выписывали везде в отъезд, и все. Ищи ветра в поле! Нет, я откажусь. Решено. Ну их! А ты?..

Чухарев вздохнул, переждал, пока ему подали то, что он заказал, потом выпил водки, закусил и лишь после этого сказал:

– И я тоже. Ходил, ходил, все будто делаю что – а там хлоп, и ничего нет. Был этот самый Кругликов и весь вышел. Не сыскать его, нет!

– Главное – следов нет, – сказал Калмыков.

Чухарев кивнул головой, выпил еще рюмку и стал жадно есть, а Калмыков молча пил свое пиво.

Потом и Чухарев перешел на пиво, и поздно вечером они, взявшись под руку, пошатываясь, направились к своим домам. Встречные хулиганы и жулики узнавали их и с почтением здоровались с ними.

VI

Увлечение и любовь

В буфетной комнате при совете присяжных поверенных в углу за столиком сидели Горянин и его друг Прохоров, тоже присяжный поверенный.

— Да ты изменился, — сказал ему Горянин, продолжая разговор.

— Изменишься! — желчно ответил Прохоров. — От тебя я не скрываюсь. Я влюблен в нее, как гимназист. Одно время она как будто отвечала мне. Помнишь — в театре? Евгения Павловна пошутила насчет свадьбы, и она ничего...

Горянин молча кивнул головой.

— И вдруг, — со злобой в голосе сказал Прохоров, — является этот Чемизов — и все прахом. — Он стукнул по колену сжатым кулаком и замолчал. Его красивое, с тонкими чертами лицо омрачилось, густые брови сдвинулись, серые глаза потемнели. — Скажи мне, Алексей Петрович, — продолжал он, — откуда этот Чемизов? Где ты достал его?

Горянин беспечно пожал плечами.

— Встретился с ним в кружке Полонского. Кого там не бывает! Разговорились, и он вдруг оказался моим товарищем по гимназии. До пятого класса шли вместе, а там он в юнкерское перешел. Вот и все. Где он был по сие время — не

знаю, что он и кто он – тоже. Живет хорошо, видимо, обладает средствами, холост и, главное, занимателен...

– Черт знает! – возмутился Прохоров. – Ты вводишь его в свой дом, со всеми знакомишь...

– Ревность? – засмеялся Горянин. – Да отчего же не ввести мне его в дом? Он вполне приличен, интересен, знает массу анекдотов. К тому же в нем есть что-то таинственное.

– Вот – вот! Елена Семеновна убеждена, что это – необыкновенный человек, – сказал Прохоров.

– Моя Евгения Павловна – тоже, – подхватил Горянин. – Он у нас раза три в неделю бывает. А согласишься, – сказал он, смеясь, – тогда, вечером, он всех занял?

– Простой опыт гипнотического внушения, и попался ему дурачок Хрюмин.

– Ну, мы бы и этого не сделали.

– Потому что не фокусники, а если бы и сделали, то не для увеселения публики...

– Ну, ты совсем взбесился! – пожав плечами, воскликнул Горянин и встал. – Пойду в канцелярию, почитаю дело. До свиданья! Заходи!

– Зайду, – Прохоров задержал руку Алексея Петровича, – а про Чемизова этого я наведу справки. А?

– Наводи, коли охота есть, – и Горянин, кивнув головой, вышел.

Прохоров опустил голову и задумался.

С год тому назад он познакомился с Еленой Семеновной

Дьяковой и полюбил ее. Она не отклоняла его ухаживания, появлялась с ним и на вечерах у знакомых, и в театре, и на выставках, позволяла касаться интимной стороны жизни и вдруг сразу словно отрезала – с того злополучного вечера у Горянина.

Если бы это случилось сто лет тому назад, Прохоров просто зарезал бы этого Чемизова. А теперь...

Прохоров вздохнул, встал и уныло побрел по коридору.

«Сегодня же увижу ее и объяснюсь», – решил он и вдруг ободрился.

Дома он пообедал, отбыл свои приемные часы, к восьми часам вечера оделся и поехал к Дьяковой. Горничная встретила его и, не растворяя двери, через цепочку сказала:

– Барыни дома нет. Уехали в театр.

– Одна?

По лицу горничной скользнула чуть заметная усмешка.

– С Григорием Владимировичем. Они теперь завсегда с ними ездят.

У Прохорова закружилась голова.

– Кланяйся барыне, скажи, что я был, – проговорил он, стараясь казаться равнодушным, и стал спускаться с лестницы.

На улице он очнулся. Тоска охватила его жгучей болью.

– О, черт! – вслух произнес он. – Не гоняться же мне за нею.

Вдруг он услышал возглас: «Сергей Филиппович! Наше

вам!» – и, подняв голову, увидел купца Авдахова, которого однажды защищал в суде.

– Савелий Кузьмич, здравствуйте! – сказал он.

– Вот рад-то! – воскликнул Авдахов, запахнув дорожную шубу. Его лицо лоснилось, глаза маслились, губы затягивала блаженная улыбка, и только теперь адвокат заметил, что купец немного пьян. – Вот рад-то, – повторил тот. – Вы куда изволили?

– А никуда, так...

Авдахов восторженно всплеснул руками и завопил:

– Ловлю, коли так, не выпущу. Едем с нами! Уж и угостим же мы вас!.. Сегодня вы – мой... Егор! – крикнул он. – Ходи сюда!

Прохоров оглянулся и увидел, как из широких саней, запряженных парой под синей сеткой, стал выходить крепкий, коренастый мужчина в дорогой шубе и бобровой шапке.

– Егорий! Вот друг, – крикнул Авдахов, – господин Прохоров, адвокат... Меня спас, всему научит. Зови с нами! Это, – сказал он Прохорову, – мой кум, Егор Егорович Семечкин, купец из Саратова. Тоже по хлебной части.

Семечкин протянул руку Сергею Филипповичу и сказал:

– Сделайте честь! Не побрезгуйте!

Прохоров был рад забыться.

– С удовольствием, – согласился он и через минуту сидел в санях против купцов – приятелей.

– В» Самарканд!»! – крикнул Авдахов своему кучеру.

Сани двинулись и понеслись по снежным улицам.

А в это время Дьякова переживала давно забытые чувства.

На сцене знаменитый артист в костюме Демона пел свою песню Тамаре, и мягкие звуки ласкающей струей вливались в душу Елены Семеновны. У своего локтя она чувствовала руку Чемизова, и от его прикосновения острая дрожь проходила по всему ее телу.

– «В любви, как в злобе, верь, Тамара, я неизменен...» Не смею сказать: велик, – прошептал Чемизов, когда певец под гром рукоплесканий окончил свою арию.

Дьякова чуть заметно вздрогнула и окинула своего собеседника томным, разнеженным взглядом.

По окончании каждого акта она выходила в фойе и, опираясь на руку Чемизова, прогуливалась там, среди оживленно гудящей толпы.

Чемизов был красив. Его лицо со строгими, правильными чертами, с глубоко сидящими и сверкающими глазами невольно останавливало на себе внимание; какую-то особую торжественность приобретало оно от гладко выбритых усов и бороды. Он был высок ростом, строен, в безукоризненно чистом белье, и вся его фигура производила впечатление аристократичности. Дьякова шла, опираясь о его руку, и с тщеславным удовольствием замечала, какими взглядами окидывают ее спутника встречающиеся девушки и дамы.

– Когда я смотрю на вас со стороны, – сказала она своему кавалеру, – вы мне кажетесь чем-то вроде великого магистра

масонской ложи.

Чемизов, улыбнувшись, сказал:

– Может быть, это и так.

– В вас есть что-то недосказанное, – сильнее опираясь на его руку, сказала Елена Семеновна, – словно тайна. И это влечет...

– Вы верите в симпатию и антипатию? – спросил он.

– О да!

– Я сразу почувствовал, что вы станете на моей дороге, едва увидел вас, – тихо продолжал Чемизов. – До этих пор я считал себя свободным, как сокол.

– А теперь? – тихо спросила молодая вдовушка.

– Теперь я связан...

Эти слова, сказанные почти шепотом, были для Дьяковой слаще всей прослушанной музыки. Она взглянула на своего спутника и увидела строго сжатые губы, нахмуренный лоб и сосредоточенно смотрящие перед собою глаза. Что-то роковое показалось ей в его лице, и она почувствовала власть этого человека над собой. Спектакль окончился.

– Ну, домой! – весело сказала Елена Семеновна.

Чемизов помог ей накинуть ретонду, надеть капор, и они вышли на широкую площадь, залитую электрическим светом.

Был легкий мороз. В воздухе кружились снежинки, тихо спускаясь на одежду и на землю нежными сияющими звездочками.

– Хотите прокатиться? – сказал Чемизов.

– О, с радостью! – ответила Дьякова.

Чемизов выбрал лихача, бережно усадил свою даму в санки, сел рядом, охватил ее талию правой рукой и сказал кучеру:

– По Каменноостровскому на Острова и назад.

Лихач тронул вожжами, и сани понеслись.

Они миновали город и помчались по широкому проспекту. Их сани обгоняли звенящие бубенчиками тройки. Навстречу тоже проносились сани и тройки, и на проспекте чувствовался разгул лихой жизни.

Но вот сани свернули налево, на Каменный остров. Шум проспекта остался позади, и Чемизова и Дьякову вдруг охватила торжественная тишина зимней ночи.

Кучер сдержал широкий бег рысака, и они двигались среди деревьев, опушенных снегом, сверкающих и искрящихся в волшебном лунном свете.

Все было словно сказка. Вокруг них, казалось, был сказочный, заколдованный лес; город с его шумом и жизнь с ее суетой остались далеко – далеко. Они были теперь словно Царь – девица и Иван – царевич на Сером Волке. Нет ничего, только они одни. Сладкая истома охватила Дьякову. Она почувствовала, что рука ее спутника крепче обняла ее, а вслед за тем другая рука проникла за полу ее ротонды, и их руки сплелись в горячем пожатии. К лицу Дьяковой склонилось лицо Чемизова, пред нею, как звезды, сверкнули его глаза.

Она откинула голову, и в тот же миг его губы впились в ее и замерли в поцелуе. Небо, сверкающее звездами, казалось, приблизилось к ним. Елена Семеновна на миг потеряла сознание, и острая до боли истома охватила ее.

Но в этот момент кучер дернул вожжами, и сани понеслись в легком беге коня. Они свернули и снова выехали на проспект. Замелькали фонари, зазвенели бубенчики троек. Чемизов отнял свои губы и пожал руку Дьяковой. Она очнулась. Они уже были в городе.

– «Миг один, и нет волшебной сказки, и душа опять полна возможным», – продекламировал Григорий Владимирович.

– Ты любишь меня? – тихо спросила Дьякова.

– Зачем ты спрашиваешь? Ты ведь знаешь, – ответил он.

Елена Семеновна схватила его руку, сжала и замерла в сознании безмерного счастья.

Чемизов довез ее до дома, бережно высадил из саней и дождался, пока швейцар открыл дверь подъезда.

– До завтра... милый! – тихо сказала Дьякова.

– До завтра! – ответил Чемизов.

Дверь подъезда захлопнулась. Григорий Владимирович сел в сани и приказал кучеру:

– На угол Морской и Невского!

Через десять минут он входил в шумный игорный зал одного очень популярного клуба.

– А, Григорий Владимирович! Так и вы играете? – воскликнул Хрюмин, подходя к Чемизову.

– Играю.

– Счастливо?

– Сегодня буду играть счастливо, – уверенно ответил Чемизов.

– Ну, тогда я буду с вами в доле. Вот вам сто рублей.

Чемизов отстранил деньги, говоря:

– Я играю только на свое счастье и на свой страх.

Хрюмин деланно улыбнулся и спрятал деньги. Григорий Владимирович подошел к столу, где велась самая крупная игра, и начал крупными кушами. Счастье улыбалось ему, и он играл с каждым ударом все смелее.

– Место свободно, – сказал наконец банкомет, проиграв последние деньги.

– Я занял, – заявил Чемизов и сел за стол...

А в это время Дьякова лежала в постели, закинув за голову руки и устремив мечтательный взор в окружающую ее темноту. Ее взволнованная страстью грудь порывисто дышала; полуоткрытые губы улыбались и шептали имя Чемизова, доверяя сумраку ночи тайну своего сердца. И казалось ей, что она любит в первый раз – так горячо, так искренно было ее чувство.

А Прохоров в компании Авдахова, Семечкина и еще каких-то бородачей купцов слушал тоскливую песню цыганки Тани и плакал пьяными слезами.

VII

Свет погас

Начальник сыскной полиции вернулся с утреннего доклада градоначальнику, видимо, довольный и, тотчас позвав к себе помощника, сказал ему:

– Вот, Август Семенович, его превосходительство остался доволен нами, а все-таки...

– По поводу чего?

– Да по делу о ноге и руке, – нетерпеливо сказал начальник. – Так вот теперь постараться надо. Да! Оказывается, этот генерал Чупрынин имеет огромное знакомство и везде – понимаете ли? – везде рассказывал про своего Милорда и руку всякие ужасы. Графиня Фигли – Мигли сказала его превосходительству, что у нас, в Петербурге, жить страшно. Вообще шум из-за этого преступления не прекращается. Вы пока что сделайте, чтобы в газетах напечатали успокоительные известия: полиция, дескать, на следу, ну и вообще... – Начальник перевел дух, закурил папироску и спросил: – Ну, а что нового? Узнали что-нибудь?

Август Семенович развел руками и, помотав головой, ответил:

– Оба в совершенном унынии. Проследили, где останавливались эти Кругликов и Коровина; прописки все верные,

Чухарев узнал, что эта Коровина вдруг стала хворать, в последнем местожительстве совсем не выходила. Потом Кругликов ее вывез, а затем сам уехал...

– Позвольте, – сказал начальник, морща лоб и почесывая переносицу, – здесь что-то есть. Позовите Чухарева!

Помощник вышел и вернулся с агентом. Маленький, в рыжем старом пиджаке Чухарев еще с порога начал кланяться начальнику.

– Расскажите мне о ваших розысках по порядку! – приказал ему начальник.

Чухарев переступил с ноги на ногу, одернул пиджак, кашлянул в руку и начал:

– Как мне изволил приказать Август Семенович, я поначалу отправился в адресный стол...

Вслед за тем Чухарев, оживляясь, рассказал все свои искания, не упуская ни малейшей подробности.

Начальник слушал его, играя разрезным ножом и морща лоб.

– Так! – сказал он. – Приехал, значит, девятого октября, а в конце ноября она стала хворать. После двадцать пятого она совсем слегла, и первого декабря он увез ее, а пятого – и сам уехал. Вот данные.

– Совершенно верно! – в один голос сказали Чухарев и Август Семенович.

– Отлично! – отбрасывая нож и беря папироску, произнес начальник. – Теперь это ясно.

На этот раз и помощник, и Чухарев промолчали.

– Ясно, что он ее отравил, а потом убил, – медленно проговорил начальник.

– Но он ее вывез из номеров, – сказал помощник.

– Вывез и убил, – ответил начальник.

– Где же?

– Вот и надо искать, – не смущаясь, ответил начальник. – Главное у нас есть: приметы и паспорт. Ну – с, а какие ответы по телеграфу?

– Только что получил, – помощник вышел и вернулся с пачкой телеграмм. – Вот что нам сообщают, – и он начал докладывать, по очереди кладя телеграмму за телеграммой на стол перед начальником. – «Москва. В начале сентября, до третьего числа, приехал Кругликов и остановился в» Лоскутной» гостинице, а восьмого октября выехал, дав выписку на Красноярск. Десятого сентября приехала Коровина, остановилась в» Большой Московской» гостинице. Уехала восьмого сентября, дав отметку в Тамбов».

– Отлично! – сказал начальник, проглядывая телеграммы. – Дальше!

– «Саратов. Кругликов приехал в июле, остановился в» Северной» гостинице, уехал первого сентября, отметился в Кишиневе». О Коровиной все то же, что вчера этот Семечкин говорил. Выхала седьмого сентября.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.